

М. Т. Дьячок

**ОБЩЕЕ
И РУССКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

М. Т. Дьячок

**ОБЩЕЕ И РУССКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

«Издательские решения»

Дьячок М. Т.

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ / М. Т. Дьячок —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506073-0

Настоящая книга представляет собой сборник статей, изданных на протяжении последних 35 лет, а также некоторых ранее не опубликованных работ. Статьи охватывают широкий круг проблем, включая вопросы современного русского языка и его истории, русской социолингвистики и диалектологии, глоттохронологии и лексикостатистики, общих проблем языкознания. Книга представляет интерес для филологов и историков, специалистов в области русского языка и общего языкознания.

ISBN 978-5-00-506073-0

© Дьячок М. Т.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	7
О трех типах подхода к фактам языка	7
О происхождении и классификации языков	10
Глоттохронология: пятьдесят лет спустя	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. Т. Дьячок

© М. Т. Дьячок, 2019

ISBN 978-5-0050-6073-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Настоящая книга представляет собой сборник статей, как тех, которые были изданы на протяжении последних 35 лет, начиная с 1985 г., так и тех, которые ранее не были опубликованы.

Книга состоит из пяти разделов.

Первый из них – «Общее языкознание» – включает статьи, посвященные различным вопросам общей лингвистики. Большое внимание в них уделяется проблемам генеалогической классификации языков, глоттохронологии и лексикостатистики.

Второй раздел посвящен основным вопросам современного русского языка. Главные темы представленных статей – социалингвистика современного русского языка, особенно проблемы просторечия и социальных диалектов (арго). Интерес представляют впервые опубликованные в свое время материалы по некоторым русским арго.

В третий раздел включены статьи, речь в которых идет об истории русского языка. В основном они посвящены исследованию словарного состава древнерусского языка.

Четвертый раздел – «Языки мира» – включает статьи, посвященные различным языкам, в том числе таким «экзотическим» языкам, как цыганский, парья, бурушаски и бислама.

Завершает книгу раздел, в который включены избранные рецензии на некоторые книги, освещающие различные вопросы языкознания.

Некоторые статьи ранее уже были опубликованы в различных журналах и сборниках, как в нашей стране, так и за рубежом, и в настоящее время являются труднодоступными для читателя. Ряд статей, подготовленных к печати, но по разным причинам не изданных в свое время, публикуется впервые.

Несколько слов по поводу оформления публикуемых статей. В свое время они были напечатаны в соответствии с принятыми тогда правилами оформления работ. В данной книге их оформление унифицировано и приведено к единому стандарту. Кроме того, исправлены некоторые ошибки и неточности, допущенные в первоначальных текстах. В некоторых случаях внесены добавления, учитывающие факты, выявленные в результате последних исследований и уточняющие взгляд на изложенную в тексте работы проблему. Однако в целом их количество невелико, и в основном текст работ оставлен без изменений.

В заключение хочется выразить признательность всем ученым – лингвистам и историкам, общение с которыми оказало существенную помощь в написании данных работ. Среди них академики РАН А. Е. Аникин, В. А. Дыбо, Н. Н. Покровский, члены-корреспонденты РАН доктора филологических наук С. А. Старостин, Е. А. Хелимский, Е. К. Ромодановская, доктора филологических наук К. А. Тимофеев, А. И. Федоров, Я. С. Лурье, В. Э. Орел, А. Ю. Русаков, А. М. Певнов, Б. В. Болдырев, Б. Я. Шарифуллин, А. П. Чудинов, Л. С. Ковтун, С. О. Малевинский, доктора исторических наук Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, Г. Г. Пиков, кандидаты филологических наук М. Д. Симонов, И. Э. Романовская, Л. В. Титова, В. С. Кузнецова, В. Н. Алексеев, М. М. Хасанова, О. А. Савельева, М. П. Алексеева, кандидаты исторических наук А. П. Воробьев, А. И. Мальцев, В. И. Баяндин, Ю. Л. Троицкий, М. И. Рижский, А. И. Плигузов, доктора В. Фридман, И. Хегедюш, З. Кёстер-Тома, В. Венкер.

Особую благодарность выражаю моему многолетнему соавтору и соратнику кандидату филологических наук В. В. Шаповалу.

За ценные советы и поддержку я признателен моим друзьям и коллегам Н. А. Огурцовой, А. С. Шабрину, В. Е. Бодалеу, И. И. Александрову, А. В. Чехонадских, С. В. Моисееву, А. М. Желковской, М. В. Исмагиловой, М. В. Соколовой, Ю. Ю. Фуфачевой, Л. В. Тютрюмовой, О. В. Ивановой, Н. Гатри, Дж. Лансли, Ш. Лавелл.

Всем им большое и искреннее спасибо!

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О трех типах подхода к фактам языка

Филолога традиционного, старого склада, привыкшего при анализе языка или текста обращаться к конкретным фактам и рассматривать их в строго научной перспективе, несомненно, не очень нравятся попытки взглянуть на те же самые факты под совершенно иными углами зрения. В лучшем случае наш филолог обвинит автора подобных изысканий в «дилетантизме», в худшем же назовет его «безумцем», «странным человеком» или как-нибудь еще более экспрессивно.

Очевидно, однако, что подобный, научный, подход отнюдь не является единственным. Мало того, для многих людей он оказывается столь же странным и непонятным, как для филолога любой другой подход, кроме научного. Результатом становится практически полное взаимонепонимание и одновременно убежденность каждой стороны именно в своей правоте. Ситуация осложняется тем, что и текст, и язык считают своей исследовательской вотчиной не только филологи, но и литераторы, философы, психологи, политики, пропагандисты, мистики и представители многих других сфер деятельности.

Попробуем взглянуть на проблемы отстраненно.

Если обобщить все возможные варианты подхода к одним и тем же языковым фактам, то можно выделить три основных варианта этих подходов.

1. **Научный** (традиционный). Он опирается на существующие традиции анализа языка и текста и предполагает выявление некоего оптимального варианта решения проблемы. Для сторонников этого подхода язык (текст) является прежде всего **объектом** изучения, фактически не влияющим на позицию исследователя. Подобно представителям других наук, филологи активно используют принцип бритвы Оккама, отсекая все маловероятные гипотезы в пользу наиболее вероятной, которая и объявляется основной. Особенно ярко подобный принцип виден на примере этимологии отдельных слов, когда масса времени и сил уходит на то, чтобы показать, что тот или иной вариант этимологизирования более «правилен», чем остальные, хотя, по сути дела, и он является ни чем иным, как одной из гипотез.

Необходимо отметить, что научный подход не является подходом только теоретическим – он имеет и свою практическую сторону, поскольку наиболее оптимально вписывается в существующую картину мира. Вряд ли у кого может вызвать сомнения, что адекватно описанный язык будет более эффективно преподаваться, а научное понимание того, что происходит с тем или иным языком в социальной жизни, позволит более правильно планировать языковую политику в его отношении.

2. **Мифопоэтический**. При этом подходе язык (текст) воспринимается как **инструмент** для достижения неких иных, более глубоких, с точки зрения сторонников этого метода, целей, как средство для построения каких-то новых конструкций, порой логических, но чаще всего чисто ассоциативных. Применительно к этимологии об этом писал В. Н. Топоров: «Даже „профаническая“ этимологизация не всегда есть чистая забава и пристрастие к кунштюкам. Нельзя отрицать в ней ориентированности на поиск более глубоких и сокровенных смыслов, на определение истоков и связей слова, на „истинное“ понимание языка» [1].

В то же время произведения мифопоэтического характера порой могут свидетельствовать об элементарном невладении их авторов научной методологией. Иногда трудно сказать, действительно ли создатели подобных произведений сознательно ставят перед собой цель добиться мифопоэтического эффекта или это просто их неграмотность. Так, примеры «этимологий», предлагаемых в книгах, выходящих под именем Кандыбы, могут свидетельствовать

как о целенаправленной установке их авторов на создание мифопоэтического эффекта, так и об их незнании методов научного лингвистического исследования.

Элементы мифопоэтического подхода весьма заметны в работах многих философов, семиологов, «методологов» и представителей других подобных отраслей знания. Характерной чертой их произведений является ориентация (порой сознательная, а порой, видимо, неосознанная) на эстетические принципы оценки того или иного факта, что формально часто выглядит как постулирование очевидности какого-либо принципа, вовсе не очевидного с позиций использования бритвы Оккама. Ср., например, бесконечные риторико-суггестивные формулы у Р. Барта: «Дело в том, что определяющей чертой пишущего является *наивность* его коммуникативного проекта» [2], «Злоба всегда *точна*» [3], «Наука говорится, литература пишется; одна управляется голосом, другая следует движениям руки» [4] и т. п. Аналогичные примеры можно приводить из трудов К. Леви-Стросса, М. Фуко и многих других авторов.

Учитывая сильную эстетическую составляющую подобного подхода, он может быть также назван **эстетическим**.

3. Пропагандистский. Сторонники этого подхода воспринимают язык (текст) прежде всего как **оружие**, которым можно сражаться против своих идеологических, политических, религиозных и других врагов. Хорошим примером применения языка в подобных целях являются получившие распространение в нашей стране в середине 1980-х гг. методики нейролингвистического программирования, многие из которых до сих пор продолжают активно использоваться в рекламе и пиаровских технологиях. Особенности подобного подхода к фактам языка в свое время метко охарактеризовал М. И. Стеблин-Каменский: «Говорили о том, например, что структурализм «отрывает» что-то от чего-то (все равно, что от чего – диахронию от синхронии, звук от значения, фонетику от фонологии, морфологию от синтаксиса и т.д.) и что, следовательно, структурализм – это «метафизика» и «идеализм», а тот, кто выдвигает такое обвинение против структурализма, в силу этого (и, увы, часто только одного этого) «диалектик» и «материалист» [5]. Необходимо отметить, что подобный подход весьма популярен в социальных слоях, нормой жизни которых является тотальная агрессия, недоверие и враждебность по отношению друг к другу (криминальные и полукриминальные слои, в современной России во многом тождественные социолингвистической группе носителей просторечия).

Если не учитывать возможность такого подхода к фактам языка, то многие явления общественной жизни, маскируемые под научно-лингвистические, окажутся совершенно непонятными. Так, у традиционного лингвиста не может не вызвать недоумения популярная в XIX в. идея создания «общеславянского» словаря, т.е. своеобразного словаря-тезауруса, включающего на равных основаниях лексику всех славянских языков [6]. Мало того, подобные словари даже были созданы. Достаточно вспомнить, например, словарь Ф. Копечного, в который, наряду с праславянскими, включены такие слова, как *kahve/kafe* «кофе», *vagon* «вагон» и т. п. [7]. Методологическая основа подобных трудов с научной точки зрения кажется загадочной, однако с пропагандистской точки зрения работы такого типа имеют смысл, так как лишний раз подчеркивают близость славянских народов, «особый» путь их развития и тем самым создают в перспективе идеологическую базу для их возможного политического объединения (или – в духе XX в. – политической аннексии).

Поскольку согласно сложившимся стереотипам научный подход представляется многим людям более объективным (с чем нельзя не согласиться), «правильным», «престижным», а ссылки на научный анализ могут оказаться важным подспорьем в аргументации той или иной точки зрения, на практике часто приходится сталкиваться с лингвистической **мимикрией**, когда мифопоэтический и пропагандистский подход преподносятся как подход научный. Четкое разделение этих трех подходов позволит распознать истинную сущность этого явления.

Следовательно, для того, чтобы избежать взаимонепонимания и связанных с ним конфликтов, необходимо, прежде всего, определить, на какой позиции находится тот или иной

человек, «работающий» с языком. Так, для продуктивной **научной** дискуссии по той или иной проблеме, связанной с языком (текстом) (как, впрочем, и с другими подлежащими изучению фактами), необходимо, чтобы участники дискуссии обладали следующими качествами:

- 1) Проявляли **интерес** к рассматриваемой проблеме.
- 2) Имели **знания** по теме обсуждения.
- 3) Обладали **здоровым смыслом**.
- 4) Проявляли **доброжелательность** по отношению друг к другу.

Приверженцы мифопоэтического подхода, как правило, не отвечают 2-му и 3-му требованиям; сторонники пропагандистского подхода явно не удовлетворяют 4-му критерию, а часто также 2-му и 3-му. Поэтому вряд ли можно ожидать положительного исхода научной дискуссии, в которой будут принимать представители этих двух направлений.

Для дискуссии на **мифопоэтическом** уровне научные знания и здравый смысл могут даже навредить, так как будут постоянно «приземлять» ее участников. Впрочем, сам термин «дискуссия», имеющий больше отношения к научным типам общения, здесь не вполне применим.

Наконец, общение на **пропагандистском** уровне предполагает лишь наличие заинтересованности в данной проблеме. Мало того, именно этот пункт становится здесь наиболее важным, все же остальные требования искажаются в угоду ему. В этом сказывается манипулятивная основа этого подхода, так как именно заинтересованность всех сторон в продолжении «игры» является центральным моментом манипулятивного поведения. Однако отсутствие заинтересованности способно сбить приверженцев подобного подхода с проторенного пути и значительно, если не полностью, уничтожить эффект подобной «дискуссии».

Примечания

Статья впервые опубликована в сборнике: *Язык и культура*. – Новосибирск, 2003. – С. 11—15.

1. *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии // *Этимология*. 1984. – М., 1986. – С. 206.

2. *Барт Р.* Писатели и пишущие // *Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. – М., 1989. – С. 138.

3. *Барт Р.* Из книги «О Расине» // Там же. – С. 190.

4. *Барт Р.* От науки у литературе // Там же. – С. 377.

5. *Стеблин-Каменский М. И.* Несколько замечаний о структурализме // *Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании*. – Л., 1974. – С. 48.

6. См. об этом, в частности, работу: *Виноградов В. В.* Об изучении общего славянского фонда в структуре славянских языков // *Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. – М., 1977. – С. 43—44.

7. *Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. – Praha, 1981. – S. 144, 395.

О происхождении и классификации языков

Язык – естественная или искусственная система, основной, но не единственной функцией которой является коммуникация между людьми. Различают языки естественные (человеческие) и языки искусственные (в т.ч. языки типа эсперанто, языки глухих т.п.). Отдельно выделяют языки животных, которые, однако, не являются языками в собственном смысле этого слова, поскольку способы коммуникации животных представляют собой знаки совершенно другого типа – эмоциональные и ситуативные.

Естественные языки изучаются языкознанием, или лингвистикой. В последние десятилетия и годы был достигнут существенный прогресс в развитии языкознания. Не в последнюю очередь это связано с созданием новых направлений в лингвистике, таких как корпусная лингвистика, компьютерный перевод, распознавание речи, описание новых т.н. «экзотических» языков, нетривиальные результаты в сравнительно-историческом языкознании, включая метод глоттохронологии и др. [1].

Целью данной работы является изложение и анализ последних достижений в области двух аспектов изучения языка: современных теорий происхождения языка (глоттогенеза) и сравнительно-исторического языкознания, что позволило уточнить, а порой и пересмотреть существующую классификацию языков мира.

Вопрос о происхождении языка (глоттогенезе) – одна из самых старых проблем, поднимавшихся еще античными мыслителями. Проблема во многом заключается в том, что человеческий язык – абсолютно уникальное явление в природе. До сих пор ведутся споры, владела ли какой-то формой языка ближайшие родственники *Homo sapiens*'а – неандертальцы, и в какой мере он отличался от человеческого языка [2]. Отсутствие каких-либо лингвистических данных приводит к тому, что сама постановка вопроса о происхождении языка оказывается проблемой не столько лингвистической, сколько чисто спекулятивной, лежащей в поле зрения философов, антропологов или биологов [3]. Однако в последнее время в этой области появляются отдельные сдвиги.

Если быть более точным, то речь идет о движении в двух противоположных направлениях.

Во-первых, активно изучаются способы коммуникации животных, при этом проводится граница между животными общими, которым такая коммуникация действительно необходима для сообщения об опасностях или подачи каких-либо сигналов, критичных для других членов их стада (стаи). В связи с этим важными представляются исследования Ж. И. Резниковой [4], Т. В. Черниговской [5] и других ученых.

В одной из своих работ Т. В. Черниговская приводит основные положения, которые обсуждались на антропологических конференциях в 2007 году в США и Нидерландах. Некоторые из них следует процитировать буквально:

«Нейроанатомический субстрат человеческого языка сформировался 2 млн. лет назад у *Homo habilis*.

Некий протоязык возник примерно 1 млн. лет назад у *Homo erectus* и уже обладал специфическими чертами (порядок элементов, аргументы глаголов, грамматичность и пр.).

«Полноценный» язык возник между 100 и 150 тыс. лет назад у *Homo sapiens sapiens*.

Полностью сформированный синтаксически язык как необходимое условие обмена и передачи символической информации может косвенно быть датирован на основе сопоставления с абстрактными наскальными изображениями, датируемыми примерно 75 тыс. лет назад. Акустические сигналы птиц эволюционировали в пение человека» [6].

Таким образом, подчеркиваются уже определенные этапы становления языка.

С другой стороны, идет достаточно активное изучение «примитивных» языков, способных сохранить в себе архаичные элементы. Так, интересный материал в этом отношении дают языки Азии, Африки, Австралии, в частности амазонский язык пирахан или бушменский язык в Африке. Мечтой московского лингвиста С. А. Старостина было попытаться при помощи сравнительно-исторической реконструкции пробиться к самым истокам первичного языка, но пока языкознание еще не обладает такими методами.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Изучение глоттогенеза вышло на новый уровень в связи с более внимательным отношением к языку животных, глубинной и типологической реконструкции.

2. Постоянные успехи наук о прошлом позволяют надеяться, что эта проблема станет более понятной и разрешимой.

Начало разработки метода сравнительно-исторического языкознания и основанной на нем генеалогической классификации языков было положено в самом начале XIX века благодаря трудам немецкого ученого Ф. Боппа, первый из которых был опубликован в 1816 году [7]. До этого сравнение языков проводилось путем поиска случайных сходств и не было поставлено на научную основу.

На протяжении XIX – первой половины XX вв. сравнительно-историческое языкознание бурно развивалось, но методы, которые использовали исследователи, оставались довольно традиционными. Кроме того, круг языков, охваченных изучением, был довольно невелик, а некоторые языки Африки, Латинской Америки, Новой Гвинеи вообще не привлекались к анализу. К тому же отсутствовала строгая методика, которая позволила бы сделать точные утверждения.

Ситуация изменилась, когда в 1952 году американский лингвист М. Сводеш опубликовал свою первую статью, посвященную методу, который он назвал лексикостатистикой и который был создан по аналогии с радиоуглеродным методом в биологии [8]. В качестве исходного материала анализировалась наиболее устойчивая часть лексики – сначала 200-словный, а затем 100-словный списки.

В 1960 году эта и некоторые другие статьи М. Сводеша были изданы на русском языке [9], что предопределило большой интерес советских ученых к разработанному им методу. В дальнейшем в конце 1980-х годов московский лингвист С. А. Старостин существенно усовершенствовал метод М. Сводеша, сделав его еще более точным [10]. Работы С. А. Старостина оказали значительное влияние на развитие метода глоттохронологии, который в настоящее время является фактически единственным работающим методом, позволяющим датировать время языковых изменений [11].

Революция в сравнительно-историческом языкознании привела к тому, что заметно поменялись взгляды на генеалогическую классификацию языков. Если раньше более-менее хорошо была известна классификация традиционных семей, особенно Старого Света, в то время как классификация огромного количества языков, распространенных в Африке, Америке (особенно Латинской), Индонезии и Новой Гвинеи строилась часто просто по географическому принципу. Так, например, все австронезийские языки делились на четыре группы: индонезийские (малайский, яванский, тагальский и др.), меланезийские, микронезийские и полинезийские в зависимости от территории их распространения и некоторых антропологических признаков.

Сейчас в результате использования методов лексикостатистики и глоттохронологии выяснилось, что ситуация намного сложнее и, кстати, намного лучше описывает историю австронезийских языков и народов [12]. Итогом исследования стало определение путей миграции австронезийских народов, первоначальным местом обитания которых был о. Тайвань, а затем через Филиппины они добрались на территорию Индонезии, а также расселились по всему Тихому океану.

Аналогично обстоит дело с языками других территорий, причем результаты порой кажутся парадоксальными. Так, несмотря на то, что Новая Гвинея была заселена довольно давно (примерно 45 тыс. лет назад), подавляющая часть населения острова говорит на языках т.н. трансновогвинейской филы (фила – более широкое объединение, чем семья).

Согласно авторитетному сайту «Ethnologue: Languages of the World» [13], представляющему онлайн-версию крупнейшего лингвистического справочника, носящим такое же название, в настоящее время на Земле насчитывается 7099 языков. Конечно же, это число достаточно приблизительно, причем не только потому, что ряд языков постоянно вымирают у нас на глазах, но и то, что не всегда ясно, где проводить границу между языком и диалектом [14]. В результате многие языковые формы, ранее считавшиеся диалектами, переходят в разряд полноценных языков. Кстати, появляющиеся периодически сообщения об обнаружении какого-либо нового языка, на самом деле обозначают просто придание статуса языка отдельному плохо изученному диалекту.

Списки языков мира представлены в различных справочниках и учебниках. В некоторых случаях они полностью устарели. Наиболее полными списками языков, помимо уже упомянутого англоязычного сайта «Ethnologue», является перечень языков в обзорной работе «Языки и диалекты мира» [15] и учебнике С. А. Бурлак и С. А. Старостина [16].

Наконец, одним из достижений последнего времени является установление отдаленного родства языков. Прежде всего, это связано с трудами В. М. Иллича-Свитыча [17], который объединил в единую ностратическую макросемью индоевропейские, уральские, картвельские, алтайские, дравидийские и семито-хамитские языки (последние затем были исключены из числа ностратических). Имеются труды по выявлению других крупных макросемей (надсемей).

С учетом всего сказанного на основе недавно полученных данных можно выделить следующие макросемьи, а также объединения более низкого уровня: отдельные семьи, группы, а также языки-изоляты, которые не обнаруживают близости к каким-либо другим языкам мира.

1. Ностратическая макросемья

Индоевропейские языки (индоарийские – хинди, бенгальский, цыганский и др., иранские языки – персидский, курдский и др., славянские языки – русский, польский, болгарский и др., романские языки – французский, итальянский, испанский и др., германские языки – английский, немецкий и др., кельтские языки – ирландский, валлийский и др., а также относящиеся к отдельным группам армянский, греческий, албанский и балтийские языки, а также ряд вымерших языков Европы и Азии).

Уральские языки – финский, венгерский, мансийский, хантыйский, ненецкий, и др.

Картвельская семья – грузинский, сванский и др.

Алтайские языки (тюркские – турецкий, татарский, казахский, узбекский, тувинский, якутский и др., монгольские языки – монгольский, калмыцкий и др., тунгусо-маньчжурские языки – эвенкийский, нанайский, удэгейский и др., а также находящиеся в отдельных группах корейский и японский языки).

Дравидийские языки – тамильский, телугу, каннада, малаялам и др.

Первоначально в состав ностратической макросемьи включались также афразийские (ранее семито-хамитские) языки (семитские – арабский, иврит, амхарский и др., кушитские – сомалийский, оромо и др. омотские – группа небольших языков на юго-западе Эфиопии, чадские – хауса и др., берберские – тамазигхт, аххагар и др., отдельную группу составляет мертвый древнеегипетский язык). Однако впоследствии было установлено, что данные языки отстоят от других ностратических языков значительно дальше, хотя и образуют с ностратическими языками еще более глубокое генетическое единство.

Помимо упомянутых языков, к ностратическим языкам различные ученые предположительно относят и некоторые другие группы, в частности чукотско-камчатские (чукотский, корякский и др.), юагирские и эскимосо-алеутские языки, а также изолированные нивхский и айнский языки и некоторые другие.

2. Сино-кавказская макросемья (гипотеза признается не всеми)

Сино-тибетские языки – китайский, тибетский, бирманский, неварский и др.

Северокавказские языки – аварский, лезгинский, даргинский, чеченский, абхазский и др.

Языки на-дене – тлингит, навахо и некоторые другие языки индейцев Северной Америки.

Кроме того, к сино-кавказским языкам предположительно относятся изолированные языки бурушаски, баскский и кетский (возможно, также некоторые другие).

3. Аустрическая макросемья (гипотеза признается не всеми)

Австроазиатские языки – вьетнамский, кхмерский, монский, кхаси, сантальский и др.

Австронезийские языки – малайский (и индонезийский), тагальский, яванский, мальгашский, многие языки Океании (меланезийские, микронезийские, гавайский, таитянский) и др.

Таи-кадайские – тайский, лаосский, шанский, чжуанский и др.

Возможно, к данной макросемье относятся и некоторые другие языки.

Классификация языков Африки, Новой Гвинеи, Австралии, индейцев Америки пока разработана недостаточно хорошо, но, тем не менее, в этой области наблюдается существенный прогресс. В частности, установлены крупные объединения родственных языков, например трансновогвинейская надсемья (макросемья, фила), в состав которой входит большое количество языков Новой Гвинеи.

Что касается времени, на глубине которого возможно установление родственных связей и последующая классификация языков, то оно при самых оптимистических подсчетах вряд ли может превышать период порядка 13—15 тыс. лет назад. Т.е. родство некоторых языков в Австралии, Африке и на Новой Гвинее установить вряд ли удастся, а вот близость языков индейцев Америки, которые переселились в Америку из Азии примерно 12 тыс. лет до н.э., в принципе вероятно. Но тут большим препятствием оказывается огромное количество фактического материала и слабая изученность истории индейских языков.

Промежуточные выводы сводятся к следующим:

1. Изучение родственных и генеалогическая классификация языков становится в последнее время динамически развивающейся областью языкознания.

2. Более тщательное изучение «экзотических» языков будет способствовать изучению их истории и классификации уже в ближайшем будущем.

3. Большое внимание следует уделить использованию компьютеров, составление корпусов текстов, а также скорейшей фиксации языков, находящихся под угрозой исчезновения.

В заключение бы хотелось представить ряд размышлений и выводов общего характера.

1. В последнее время продолжается активное изучение естественных наук: большие успехи достигнуты в биологии, генетике, астрономии. Поскольку языкознание еще в позапрошлом веке с подачи А. Шлейхера рассматривалось как разновидность естественных наук, то нет ничего странного в своеобразном ренессансе лингвистики.

2. Между тем, перед учеными в наше время стоит немало проблем. Прежде всего, это касается катастрофических темпов вымирания малых бесписьменных языков, причем эта тенденция наблюдается почти во всем мире: от США или России до Австралии или Бразилии. В то же время многие слаборазвитые страны Африки с их традиционным сельским укладом быта сохраняют малые языки достаточно хорошо.

3. В этом отношении необычайную важность приобретает фиксирование фактов пока еще сохраняющихся языков: составление их грамматик, словарей, запись звучащей речи.

Не стоит прекращать попыток создания алфавитов для малых языков. Хотя такие попытки редко когда заканчивались успехом, но пробовать следует.

4. Наконец, что касается таких сугубо теоретических проблем, как выявление родственных связей разных языков мира или проблема происхождения языка в целом, то и здесь прогресс, достигнутый в последнее время совершенствования методик исследования, позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

Примечания

Статья ранее не была опубликована в печатных изданиях. Печатается по тексту оригинала.

1. Подробный обзор достижений последних лет содержится в обобщающей работе: *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – М., 2004.

2. Об этом. см., напр.: *Humphrey N.* Cave art, autism, and the evolution of the human mind // *Cambridge Archaeological Journal*. – Vol. 8. – 1998. – №2.

3. См., например, книги философа О. А. Донских, в которых содержится обзор существующих гипотез, но не предложено никаких позитивных путей решения проблемы (*Донских О. А.* К истокам языка. – Новосибирск, 1988; *Донских О. А.* Происхождение языка как философская проблема. – Новосибирск, 1984).

4. *Резникова Ж. И.* Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии – М., 2005.

5. *Черниговская Т. В.* Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд лингвиста и биолога // *Разумное поведение и язык*. – Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – М., 2008. – С. 289—306.

6. Там же. – С. 296—297.

7. *Vopp F.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. – Frankfurt am Main, 1816.

8. *Swadesh M.* Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. – *Proceedings of the American philosophical society*. – Vol. 96. – 1952. – P. 452—463.

9. *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // *Новое в лингвистике*. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 23—52; *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании. – *Новое в лингвистике*. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 53—87.

10. *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (Материалы к дискуссиям международной конференции)*. – Т. 1. – М., 1989. – С. 3—39.

11. Более подробно об истории глоттохронологии можно прочесть в работе: *Дьячок М. Т.* Глоттохронология: пятьдесят лет спустя // *Сибирский лингвистический семинар*. – Новосибирск, 2002, №1. – С. 15—23.

12. *Сирк Ю. Х.* Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение. – М., 2008.

13. www.ethnologue.com.

14. *Эдельман Д. И.* Проблема «язык» или «диалект» в условиях отсутствия письменности // *Теоретические основы классификации языков мира*. – М., 1980. – С. 127—147.

15. *Языки и диалекты мира (Проспект и словник)*. – М., 1982.

16. *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. – М., 2005. – С. 334—382.

17. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. – В 3 т. – М., 1971—1984.

Глоттохронология: пятьдесят лет спустя

В 1952 году, ровно пятьдесят лет назад, в журнале Американского философского общества появилась статья М. Сводеша «Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов» [1], которая положила начало совершенно новому направлению в лингвистике, названному позднее глоттохронологией.

Отдельные идеи, легшие в основу глоттохронологии, высказывались М. Сводешом и ранее [2], однако именно в этой статье они были оформлены как целостная теория, давшая лингвистам новый инструмент для исследования истории языков мира.

В 1955 году была опубликована еще одна принципиально важная статья М. Сводеша [3], в которой он существенно пересмотрел и дополнил предложенную им тремя годами ранее методику, оставив, тем не менее, практически без изменения основные положения своей теории.

В 1960 году обе статьи М. Сводеша были переведены на русский язык и опубликованы в первом выпуске уникального для того времени издания «Новое в лингвистике» [4].

Статья 1955 года создала своеобразный канон глоттохронологии. Предложенная в ней методика подсчетов оставалась неизменной на протяжении почти тридцати лет, пока в середине 1980-х годов московский лингвист С. А. Старостин не внес в нее серьезные изменения, сделавшие глоттохронологию еще более точным и надежным инструментом лингвистического датирования языковой дивергенции [5].

На протяжении прошедших пятидесяти лет своей истории метод глоттохронологии неоднократно использовался в исторической лингвистике. Его применение оказалось исключительно продуктивным и полезным и привело к ряду неожиданных, а порой и прямо сенсационных результатов, которые, противореча порой умозрительным построениям традиционной лингвистики, тем не менее, надежно верифицировались данными смежных наук: истории, археологии, этнографии и др.

В данной статье мы попробуем подвести некоторые итоги полувекового развития глоттохронологии и оценить перспективы применения этого метода в дальнейших историко-лингвистических исследованиях.

Глоттохронология и лексикостатистика

Основой глоттохронологии является лексикостатистика. При всей близости этих понятий и при той путанице, которая сопровождала глоттохронологические исследования начиная с самых ранних трудов М. Сводеша, тем не менее, эти понятия должны быть разграничены. Если глоттохронология – это определение относительного или абсолютного времени расхождения двух или нескольких языков, то лексикостатистика – специальная методика подсчетов, опирающаяся на лексические данные этих языков.

Почему именно лексика была выбрана в качестве основы глоттохронологии? Единственно потому, что никакой другой уровень языка не может дать достаточно надежного материала для временной характеристики диахронических процессов. Примеры настолько банальны и очевидны, что ограничимся лишь двумя. Фонетический состав даже близкородственных языков может очень существенно отличаться и ни в коей мере не свидетельствует о степени их генетического родства (испанский – французский, английский – немецкий). Еще в большей степени это относится к грамматическому строю. Нет ничего менее похожего, чем, например, грамматический строй русского и болгарского языков, однако при этом они являются достаточно близко родственными друг другу. Мало того, как показывает история самых разных языков, изменения, касающиеся их фонетической и грамматической структуры, могут

происходить в них за очень короткий промежуток времени (порядка двух—трех столетий, как это произошло, например, в V—VI вв. с бритскими языками [6]), в результате чего эти структуры приобретают совершенно иной вид (ср. также латинский язык и современные романские языки, древнегреческий и новогреческий языки, древнеиндийский и современные индийские языки и др.).

Лексикостатистические списки, предложенные М. Сводешом, несомненно, достаточно условны. В большей степени это относится к 200-словному (раннему) списку, в несколько меньшей – к 100-словному (более позднему). Однако вопросы, почему в список включено именно данное слово, а не какое-либо другое, видимо, будут постоянно задаваться критиками глоттохронологических методик. Даже если исключить наивные упреки типа «Но ведь в русском языке слово *глаз* заимствовано, значит, такое понятие не должно включаться в список!», все равно останется значительное количество слов, которые в принципе вполне могли бы быть заменены другими. Проблема, однако, снимается, если признать две вещи: 1) достаточно условный характер списка; 2) его работоспособность, проверенную в ходе многочисленных попыток применения метода.

Тем не менее, лексикостатистический список нуждается в конкретизации и уточнении, особенно в тех случаях, когда включенное в него английское слово неоднозначно и допускает различные толкования [7]. Конечно же, это необходимо совсем не для того, чтобы выявить некие универсальные семантические поля, устойчивые в различных языках мира, а просто для того, чтобы избежать двусмысленностей и связанных с ними ошибок. Работа по уточнению семантики таких слов была начала еще самим М. Сводешом, а в дальнейшем продолжена другими исследователями, в частности С. А. Старостиным и В. Э. Орлом. Приведем некоторые примеры.

All (все) – в сочетании с конкретными существительными, например, *все люди, все дома*.

Big (большой) – в сочетании со словами, обозначающими предметы, например, *большой камень, большая река*.

Man (мужчина) – в значении «взрослый мужчина», как противоположность женщине, а не в значении «человек».

Person (человек) – в значении «человек (как биологический вид)», но не в смысле «личность, лицо».

Swim (плавать) – о человеке или животных, но не о предметах (лодках, кораблях и т.п.).

Thin (тонкий) – о плоских предметах.

Fat (жир) – как существительное, обозначающее жир животных (не как продукт питания), а не как прилагательное.

Fly (летать) – о птицах и насекомых, но не о предметах (листьях, самолетах и т.п.).

Stay (стоять) – о человеке или животных, но не о предметах.

This (этот) – об объектах первой степени удаленности (находящихся в поле досягания говорящего).

That (тот) – об объектах третьей степени удаленности (находящихся одинаково далеко как от говорящего, так и от собеседника).

Cold (холодный) – о веществах, но не о погоде, климате и т. п.

Burn (жечь) – переходный глагол в контекстах *жечь дрова, жечь костер* и т.п., но не в значении «гореть».

Tongue (язык) – как анатомический термин, но не как средство общения.

We (мы) – эксклюзивное местоимение («мы без вас»), используемое в разговоре между равными партнерами.

I (я) – нейтральное местоимение, используемое в разговоре между равными партнерами.

Hair (волосы) – волосы на голове, а не на теле, а также волосы человека, но не животных.

Tail (хвост) – хвост млекопитающих, пресмыкающихся и т.п., но не хвост рыб, насекомых и т. п.

Выше приведены далеко не все примеры. В дальнейшем автор планирует посвятить этой теме отдельную статью.

Несомненно, что конкретизация значений слов списка М. Сводеша также достаточно условна, но эта условность должна неукоснительно соблюдаться при конкретных вычислениях, иначе может получиться так, что из одного языка слово *burn* будет взято в значении «гореть», а из другого – в значении «жечь», что может привести к неточностям в подсчетах.

Проблема заимствований

Одним из главных изменений, внесенных в методику глоттохронологических подсчетов С. А. Старостиным, стало исключение из списка заимствованных слов. Действительно, количество заимствований в лексикостатистических списках в некоторой степени зависит от интенсивности языковых контактов данного языка и может быть осуществлено в массовом порядке на протяжении относительно небольшого промежутка времени. Конечно же, большую часть подобных заимствований составляет периферийная лексика, не входящая в списки Сводеша, однако могут попадаться и слова, включенные в эти списки.

В случае «нормального» развития языка число разновременных заимствований в списках Сводеша относительно невелико. Так, в стословном списке для русского языка имеется всего три предположительно заимствованных слова: *глаз* <из германских языков, ср. др.-верх.-нем. *glas* «янтарь, стекло» [8], *собака* <из иранских языков, ср. ср.-иран. **sabāka*, авест. *spaka*– [9], *хороший* <возможно, из иранских языков, ср. вост.-осет. *xorz*, зап.-осет. *xvarz* «хороший» [10]. Однако если в какой-то период своего развития язык активно контактировал с другими языками, это число может быть существенно больше. Так, например, обстоит дело с цыганским языком. В стословном списке, составленном для кэлдэрарского диалекта цыганского языка, имеется по крайней мере шестнадцать заимствованных слов: гора, длинный, дорога, желтый, звезда, зеленый, коготь, кожа, кора, кость, круглый, не, облако, плавать, тот, этот [11]. В списке для языка хинди, также имевшего активные контакты с другими языками, представлено восемнадцать заимствований: белый, дождь, дорога, женщина, жир, зола, кровь, луна, мужчина, печень, птица, семя, сердце, солнце, теплый, хвост, человек, шея [12]. Видимо, могут быть языки, в которых число заимствований в стословном списке еще выше, но, скорее всего, это уже исключения из общего правила. В целом следует признать, что количество заимствованных слов в стандартных случаях вряд ли будет превышать двадцать, причем к этой цифре число заимствований будет приближаться в том случае, если язык интенсивно контактировал с другими языками. Этот вывод представляется достаточно интересным, так как в какой-то мере определяет границы возможного применения глоттохронологии (об этом речь пойдет чуть далее). Однако этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Исключение заимствований из лексикостатистического списка позволяет существенно уточнить глоттохронологические подсчеты. Действительно, большое число нареканий и критических замечаний в адрес глоттохронологии было вызвано тем, что заимствования участвовали в подсчетах на общих основаниях. Наряду с неточностью и приблизительностью определения родства слов это приводило к непродуманным, а порой и прямо фантастическим построениям. В этом отношении показательна уже статья М. Сводеша «Лингвистические связи Америки и Евразии» [13], где полученные результаты были почти полностью обесценены неточностью анализа.

Границы применения глоттохронологии

Как и любой другой научный метод, глоттохронология может использоваться лишь в определенных границах. За их пределами она не дает надежных результатов, и те ученые, которые не учитывают этой ее особенности, не только получают сомнительные результаты, но и существенно подрывают авторитет метода.

Верхней границей применения метода глоттохронологии можно условно считать число родственных слов более 90%. Если это число выше, то близкое родство сравниваемых языков и так очевидно. Так, например, обстоит дело с монгольскими языками. Их сравнение дает следующую картину (подсчеты выполнены по методике Старостина) [14] (см. таблицу выше на данной странице).

	монгор.	дунсян.	баоань.	юйгу	дагур.
монгольский /	89 (92)	83 (88)	81 (87)	82 (87)	87 (93)
калмыцкий	87%	94%	93%	94%	94%
монгорский		83 (85) 98%	81 (85) 95%	80 (83) 96%	81 (87) 93%
дунсянский			82 (85) 97%	78 (84) 93%	79 (86) 92%
баоаньский				78 (84) 93%	78 (86) 91%
юйгу					76 (86) 88%

Абсолютно никаких выводов из этого сравнения сделать невозможно. Все монгольские языки обнаруживают примерно одинаковую степень близости друг к другу, а имеющиеся расхождения могут быть объяснены допустимыми неточностями при составлении списков. Полученные результаты полностью совпадают с историческими данными о дифференциации монгольских языков, выделившихся из единой прамонгольской общности лишь в XII – XIII вв.

Учитывая, что степень близости всех монгольских языков укладывается в те границы, которые предполагались М. Сводешом для разновидностей (диалектов, говоров) одного и того же языка (более 81% по старой методике [15], что соответствует примерно 86 – 87% по методике Старостина), можно заключить, что сравнение языковых единиц на уровне менее глубоком, чем языковой, непродуктивно и лишено смысла.

Кроме того, в случае подобного близкого родства языков вступают в действие другие факторы, влияющие на характер взаимоотношений данных языковых единиц. Например, если языки (диалекты) находятся в единой контактной зоне, начинает сказываться принцип языковой непрерывности. Весьма характерно, что этот принцип, который в свое время рассматривался как модная альтернатива «устаревшей» концепции генетического родства, а впоследствии был подвергнут обоснованной критике, действительно начинает проявляться в случае близкого родства языков (на уровне генетической подгруппы, а в отдельных случаях, возможно, даже и группы), и глоттохронология это тоже достаточно хорошо подтверждает.

Особенно заметно действие принципа лингвистической непрерывности тогда, когда анализируются близкородственные языки, носители которых достаточно продолжительное время жили на одном месте. Мало того, в подобной ситуации действие принципа лингвистической непрерывности, как показывают данные лексикостатистики, начинает распространяться и на группы языков, связанных более глубоким родством, чем подгруппа или группа. В частности, так обстоит дело в некоторых группах папуасских языков. В качестве примера приведем

лексикостатистические данные по языкам группы Сепик Хилл (северо-запад Папуа – Новой Гвинеи) [16] (см. таблицу выше на данной странице).

	ала	кап	ват	сум	би с	ма р	ба х	би т	са н	сет	габ	ум	хев
канингра	46	40	35	44	39	34	31	29	27	21	16	22	21
аламблак		43	42	56	39	39	35	33	29	23	15	23	20
каприман			64	57	57	47	38	42	38	32	24	33	31
ватакатауи				63	51	46	46	39	35	28	19	28	28
сумариуп					49	50	48	42	44	30	23	34	32
бисис						53	49	41	35	30	19	27	27
мари							45	35	31	25	17	28	23
бахинемо								55	36	35	25	37	32
битара									46	36	28	32	30
санио										49	28	33	35
сетиали											40	49	43
габиано												51	38
умаироф													59
хева													

В географическом отношении языки Сепик Хилл представляют собой своеобразную языковую цепочку, начинающуюся языком канингра и заканчивающуюся языками умаироф и хева. Даже особое положение языка габиано может быть объяснено его географическим расположением. Данные лексикостатистики со всей очевидностью подтверждают действие принципа языковой непрерывности в этом ареале.

С другой стороны, метод глоттохронологии не дает надежных результатов и при количестве общей лексики менее 15 – 20%. Как это ни печально, но, если этот процент ниже, то надежно доказать родство языков фактически невозможно, а полученные результаты, даже при всем их правдоподобии, будут всегда вызывать критику противников. В частности, так обстоит дело с алтайскими языками. Исследования С. А. Старостина показали, что эти языки (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, японский и корейский) являются родственными друг другу, но их лексикостатистические списки совпадают примерно на 20%, что находится на самой границе применения метода глоттохронологии.

В этом отношении очень показательны данные по эскимосско-алеутским языкам. Исследование, проведенное Н. Б. Вахтиным и Е.В Головкин [17], привело к следующим результатам (использовался стословный список и старая методика) (см. таблицу выше на данной странице):

	лаб	кан	алю	ц.-ю	нау	Св.Л	чап	сир
алеутский	12	10	13	9	10	8	9	15
лабрадорский		87	40	49	49	52	51	40
канадский			42	55	54	55	54	43
алютик				73	62	59	58	44
центрально- юпикский					71	67	67	44
науканский						77	76	57
о-ва Св. Лаврентия							96	61
чаплинский								62
сиренинский								

Процент родственных слов между алеутским языком и эскимосскими языками оказался настолько низким (от 8 до 15%), что говорить об их генетическом родстве не представляется возможным. По крайней мере, оно не может быть надежно доказано, поэтому до сих пор в силе остается традиционная классификация, согласно которой эскимосские и алеутский языки объединяются в единую «семью» лишь вследствие их географического соседства, близости культуры и на основе некоторых типологических признаков. Но, несомненно, что подобный результат является своеобразным сигналом, побуждающим весьма скептически относиться к сложившейся традиции.

Итоги тривиальные и нетривиальные

Использование метода глоттохронологии привело в ряде случаев к существенному пересмотру традиционных представлений о степени взаимоотношения родственных языков. Подобный пересмотр произошел даже в отношении хорошо и давно изученных языковых групп и семей.

Естественно, что во многих случаях глоттохронологические вычисления подтвердили выводы, сделанные традиционной исторической лингвистикой. Так, например, подсчеты, сделанные на материале балто-славянских языков, полностью вписались в существующую схему их классификации. Приведем процентные итоги этого сравнения (расчеты проводились по старой методике) [18] (см. таблицу выше на данной странице).

	ла	пр	ру	ук	бе	по	че	сл	нл	вл	сл	се	ма	бо
лит.	68	49	47	47	47	43	44	46	46	46	44	44	45	46
латв.		44	45	40	44	40	41	42	43	45	40	41	41	42
прус.			41	41	40	39	42	42	42	42	40	41	39	40
рус.				86	86	77	74	74	73	74	74	71	70	74
укр.					92	76	73	76	74	74	71	73	71	72
бел.						80	77	80	78	78	76	77	74	77
польск.							81	85	83	80	79	75	71	74
чеш.								92	87	87	84	79	75	74
словац.									87	86	80	80	76	75
н.-луж.										94	78	74	73	71
в.-луж.											78	77	76	73
словен.												85	75	76
серб.													84	80
мак.														86
болг.														

В результате были подтверждены все основные традиционные положения балто-славянского языкознания: 1) славянские языки распадаются на три подгруппы (восточную, западную и южную), 2) расхождения между этими тремя подгруппами примерно одного уровня, 3) прусский язык, судя по всему, следует относить к особой группе, занимающей промежуточное положение между собственно балтийскими (литовским и латышским) и славянскими языками [19].

Несомненно, что польза от подобных выводов достаточно велика, так как они лишний раз подтверждают факты, полученные в результате изучения истории языков по традиционным лингвистическим методикам.

Намного более важными представляются, однако, нетривиальные результаты, порой полностью переворачивающие традиционные представления о степени генетической близости языков.

Типичным примером такой «революции», произведенной глоттохронологией, стал лексикостатистический анализ австронезийских языков, осуществленный И. Дайеном [20]. Его результаты оказались столь сенсационными, что лингвисты до сих пор не могут поверить в них. Вместо традиционного (основанного на антропологическом и географическом принципе) разделения австронезийских языков на четыре группы: индонезийскую, полинезийскую, меланезийскую и микронезийскую, И. Дайен выделил 40 групп австронезийских языков, большую часть среди которых (34) составляют группы языков, относившихся ранее в меланезийским, а почти все индонезийские и все полинезийские языки, включая, помимо этого, ряд старых меланезийских и микронезийских, объединены в единую малайско-полинезийскую группу [21].

Полученные результаты заставили И. Дайена коренным образом пересмотреть и представления о происхождении австронезийских языков. Согласно его подсчетам, единый праавстронезийский язык мог существовать примерно 3 тыс. лет до н. э. Носители этого праязыка жили в Западной Меланезии (на Новой Гвинее, в архипелаге Бисмарка и на Соломоновых островах) [22].

Неожиданные результаты были получены и автором данной статьи по индоарийским языкам, в частности, относительно места среди них цыганского языка (языков). Согласно традиционным классификациям, цыганский язык многими исследователями а priori относится к центральному индоарийским языкам и считается близким к хинди [23]. Однако же глотто-

хронологический анализ недвусмысленно указывает на его особое положение внутри индоарийской языковой группы (подсчеты проводились по методике Старостина) [24] (см. таблицу выше на данной странице).

	с.-рус.	фин.	боша	парья	хинди	пандж.	непал и
кэлдэарский	95	95	85	73	74	67	63
сев.-русский		96	85	72	75	69	64
финский			85	74	75	68	64
боша				83	82	80	70
парья					89	86	72
хинди						95	78
панджаби							76
непали							

Степень близости проанализированных индоарийских языков Индостана оказалась больше, чем их близость к цыганским языкам (диалектам), что позволяет выделить особую цыганскую подгруппу внутри индоарийской языковой группы. Особое положение, судя по всему, занимает и непальский язык, однако соображения о его взаимоотношениях с другими индоарийскими языками пока не выходят за пределы гипотез.

Лексикостатистический анализ позволил по-новому взглянуть на классификацию тюркских языков. Подсчеты, проведенные по методике Старостина, привели к следующим выводам [25].

1. Разделение тюркских языков на четыре самые древние ветви (якутскую, тувинскую, болгарскую и западную) произошло практически одновременно в течение трех первых веков нашей эры.

2. Якутский и тувинский язык не обнаруживают особой близости друг к другу и должны рассматриваться как принадлежащие к разным подгруппам.

3. Другие тюркские языки Сибири и Китая (были рассмотрены хакасский и саларский), видимо, относятся к основной (западной) подгруппе тюркских языков, хотя и выделились из нее ранее, чем остальные языки этой подгруппы.

4. Болгарская подгруппа (чувашский язык) равноудалена от других подгрупп тюркских языков и выделилась из единого тюркского праязыка не ранее (а, возможно, даже несколько позже), чем другие ветви.

Эти результаты, опять же, отличаются от традиционной классификации, основанной на географическом, фонетическом и морфологическом принципах [26].

Выводы

Итак, в настоящее время метод глоттохронологии остается единственным надежным методом, позволяющим производить относительную и абсолютную датировку времени языковой дивергенции. Он может использоваться в нескольких целях:

1) Установление предположительного родства сравниваемых языков и ориентировочное выявление степени этого родства. Подобную работу целесообразно проводить в тех случаях, когда степень родства языков неясна или даже непонятно, родственны ли они вообще. Соответственно и процесс составления списков может не быть абсолютно строгим.

2) Определение относительной хронологии, т.е. порядка отделения различных родственных языков от единого ствола. Эта работа может проводиться лишь тогда, когда родственные

отношения языков уже установлены, однако не ясны их взаимоотношения внутри одного таксономического единства. Требования к строгости составления списков здесь выше, чем в предыдущем случае.

3) Определение абсолютной хронологии, т.е. конкретного времени расхождения языков. При подобном использовании метода глоттохронологии необходимо очень тщательное составление списков с учетом семантических особенностей включаемых в них слов, внимательный анализ их этимологий и исключение заимствований. Только в таком случае результаты абсолютной глоттохронологии могут быть признаны достоверными.

Именно от этого подхода мы вправе ожидать достаточно сенсационных результатов уже в самом ближайшем будущем. Для этого даже не нужно проводить слишком кропотливой работы (хотя, конечно же, занятия глоттохронологией требуют определенного труда, а не абстрактных эссеистических рассуждений). Намного важнее преодолеть косную традицию, основанную порой только на авторитете давно изживших себя теорий.

Примечания

Впервые статья была опубликована в журнале: Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2002. – №1. – С. 15—23.

1. *Swadesh M.* Lexicostatistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts with Special Reference to North American Indians and Eskimos // *Proceedings of the American Philosophical Society.* – Vol. 96. – 1952.

2. См., например, статью: *Swadesh M.* Diffusional Cumulation and Archaic Residue as Historical Explanations // *South-Western Journal of Anthropology.* – Vol. 7. – 1950.

3. *Swadesh M.* Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // *International Journal of American Linguistics.* – Vol. 21. – 1955.

4. *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // *Новое в лингвистике.* – Вып. 1. – М., 1960. – С. 23—52; *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании. – *Новое в лингвистике.* – Вып. 1. – М., 1960. – С. 53—87.

5. См.: *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (Материалы к дискуссиям международной конференции).* – Т. 1. – М., 1989. – С. 3—39.

6. *Калыгин В. П., Королев А. А.* Введение в кельтскую филологию. – М., 1989. – С. 203.

7. Об этом много и неоднократно писалось. См., например, анализ семантических сложностей списка М. Сводеша в работе: *Bromley M.* The Linguistic Relationships of Grand Valley Dani: A Lexico-statistical Classification // *Oceania.* – V. XXXVII. – 1966. – P. 286 – 291. Ср. также: *Хойер Г.* Лексикостатистика (Критический разбор) // *Новое в лингвистике.* – Вып. 1. – М., 1960. – С. 88—107; *Звегинцев В. А.* Лексикостатистическое датирование методом глоттохронологии (лексикостатистика) // *Новое в лингвистике.* – Вып. 1. – М., 1960. – С. 15.

8. Впрочем, эта точка зрения не общепринята; имеются гипотезы и об исконном происхождении этого слова, см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1986. – С. 409—410.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.